

УДК 342.56(571.12)(091)

Е.А. Крестьянников**МАТЕРИАЛЬНЫЕ И ЛЮДСКИЕ РЕСУРСЫ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1870–1890-е гг.***

Рассматривается состояние финансового обеспечения, материальной базы и кадров западносибирской юстиции в период осуществления судебной реформы 1864 г. в Сибири.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, суд, кадры.*

Потенциал властной организации определяется совокупностью имеющихся в ее распоряжении средств, формирующихся, в частности, из экономических и социальных источников. Степень эффективности деятельности государственных учреждений находится в прямой зависимости от наличия/отсутствия у них денежных, имущественных и человеческих возможностей, ограничения в которых в полной мере испытал на себе сибирский суд. Одно из важных условий преобразования суда 1864 г. в России заключалось во внушительном увеличении финансирования системы правосудия. По убеждению тогдашнего министра юстиции Д.Н. Замятина, повышение содержания судейского аппарата представлялось столь необходимым, что без него реформа была бы несостоятельной, от нее следовало отказаться [1]. Перестроенный на основе Судебных уставов Александра II суд стал весьма дорогостоящим, и это послужило препятствием к его распространению на российские регионы. В Сибири дореформенные судебные порядки царили вплоть до конца XIX в., и сибиряки длительное время довольствовались судом, являвшимся, по оценке современников, «странной аномалией» [2. 1877. 17 июля], «истинным бичом и наказанием египетским для населения» [3. С. 51].

Приниженная роль юстиции в системе органов власти, ее зависимость от администрации, отсутствие судейско-судебной самостоятельности, скажем, возможности решать дела по внутреннему убеждению судей, господство розыскного порядка процесса, свойственные архаичным судоустройству и судопроизводству, определялись скромными задачами и спецификой судебной функции самодержавия. Чудовищная волокита, отдаленность и недоступность суда, его «бедность», кадровый «голод», отсутствие компетентных работников, повседневные злоупотребления, вопиющие беспорядки в делопроизводстве – черты, характерные для организации и деятельности дореформенных учреждений правосудия в России вообще, в сибирских условиях – в особенности.

В 70-е – начале 80-х гг. XIX в. правительственные чиновники, по словам министра юстиции Д.Н. Набокова, сознавали «крайнюю неудовлетворительность положения судебной части в Сибири» [4. Л. 1 об.]. Главные недостатки

* Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, контракт П661 от 10.08.2009.

состояли в катастрофическом дефиците денежных средств, отпускаемых на обеспечение режима судопроизводства и на содержание судейских чинов, в низком качестве их состава.

Сибирские суды и судьи сполна испытали скудость финансирования, нехватка которого нередко ставила на грань остановки деятельность судебной системы. Так, «Восточное обозрение» и «Сибирская газета» сообщали, что на ноябрь–декабрь 1882 г. у Томского окружного суда при самом бережливом расходовании не оставалось средств на дальнейшее отправление правосудия [5. 26 авг.; 6]. До середины 80-х гг. жалование судебных сотрудников в Сибири определялось штатным расписанием от 6 декабря 1856 г. [4], то есть с тех времен, когда в России никто всерьез и не думал о достойном вознаграждении судейского труда. Между тем, по данным председателя Иркутского губернского суда А. Клопова, «сибирские цены» за период 1856–1889 гг. выросли в 4 раза [7. Оп. 87. Д. 10393. Л. 111]. Материальное положение сибирских судей, таким образом, «граничило с нищетой» (слова Набокова) [4] и не привлекало в их число грамотных, с высокими нравственными качествами деятелей. Местное население, вполне обоснованно считая судейский заработок мизерным, понимало, что прожить на него невозможно, и поэтому с сочувствием относилось к разгулу взяточничества среди местных служителей Фемиды. Судьи, как правило, имели низкую профессиональную подготовку, и о них сибиряки говорили, что они «не только ничего не понимают в законах, но даже народ малограмотный» [6].

О недоступности юстиции и нравственном разложении ее работников красноречиво свидетельствовала ситуация, сложившаяся в Тобольском губернском суде в 1876 г. Его председатель П.А. Волков, по сведениям генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова, «не ходил в суд по случаю пьянства, а если и бывал, то в самом пьяном виде, так что не в состоянии держаться на ногах, падал перед просителями». Посетители уходили ни с чем, некоторые из них больше не приходили, а тех, кто все-таки решался еще раз наведаться, встречала та же картина. Члены суда, «пользуясь слабостью председателя», редко посещали место своей работы. Генерал-губернатор, узнав об этих беспорядках, сначала назначил проведение ревизии Тобольского губернского суда, а затем поручил возбудить уголовное расследование [8. Д. 750. Л. 8; Д. 751. Л. 4, 9–10].

В условиях господства архаичных судебных правил важнейшим и в то же время слабейшим звеном системы правосудия края, по единодушному мнению сибирских генерал-губернаторов, являлся следственный аппарат [5. 30 сент.], который составляли полицейские чиновники – земские заседатели, надзиратели, приставы. Они, указывая один из публицистов, были «плохо подготовленными, подчас малоразвитыми, с эластической нравственностью, допускавшей их делать вопиющие злоупотребления» [2. 1876. 21 марта]. За ними закрепилась самая дурная слава: на укрывание фактов правонарушений за взятки этими «виртуозами вымогательства» (выражение побывавшего в Сибири американца Г. Кеннана) [9. С. 238–240] сибирские обыватели привыкли смотреть как на явление, вполне естественное [2. 1876. 21 марта].

Правительственный интерес к проблеме реформирования сибирской юстиции после долгих лет забвения возродился в первой половине 1880-х гг., в

период господства консервативных настроений и ужесточения нападков реакционных сил на новые российские суды. Эти условия не благоприятствовали введению Судебных уставов в Сибири. Вместе с тем, как заявляли чиновники Министерства юстиции, незначительность бюджета страны после войны 1877–1878 г. заставляла отказаться от мысли о коренном судебном преобразовании [7. Оп. 542. Д. 241. Л. 2; 8. Д. 875. Л. 121]. В 1883 г. министр Набоков ограничился предложением осуществить «хотя бы весьма немногие, наиболее неотложные» меры по улучшению сибирских судебных порядков, наметив ввести в крае «временные и переходные» судоустройство и судопроизводство [7. Оп. 69. Д. 7107^д. Л. 1об., 46].

В процессе судебной реформы в Сибири Министерством юстиции среди важнейшего планировалось, реализовав некоторые начала Судебных уставов (ввести принцип состязательности, наделить прокуратуру обвинительной властью, установить институт судебных следователей), «усилить» состав местных судов и «незначительно» поднять жалование их чиновников [8. Д. 875. Л. 121].

«Усовершенствованная», так тогда говорили, система правосудия развернула деятельность в 1885 г. [10. Т. 5. № 2770], и сразу обнаружилась ограниченность ее человеческих и материальных ресурсов. Реформа отличалась противоречивостью: она преследовала цель повысить финансирование суда, но, по замыслу Набокова, «наименее обременительными для казны» способами [7. Оп. 69. Д. 7107^д. Л. 1об.]. Причем побуждения экономии оказались определяющими, что привело к откровенно недостаточному увеличению судебного заработка и содержания юстиции, к штатному дефициту.

Работа судебных чиновников в Сибири не получила должного денежного поощрения, так как Министерство финансов отказало довести размер их жалования до уровня оплаты труда судей в регионах, где действовали Судебные уставы [7. Оп. 69. Д. 7107^д. Л. 53 об.]. Состав установленных учреждений, особенно института судебных следователей – 22 чиновника на Западную Сибирь (40 – на всю Сибирь) [10. Т. 5. Отд. 2-е. № 2770], был весьма незначительным. Недаром чиновники Министерства юстиции еще до проведения реформы оценивали это число как «самое ограниченное» [7. Оп. 69. Д. 7107^д. Л. 48об.]. «Совершенно не удовлетворяющим потребностям населения» считали количество следователей и представители местных административного и судебного ведомств [7. Оп. 87. Д. 9921^с. Л. 10].

Преобразование 1885 г. не создало условий для привлечения на судебные должности грамотных и достойных людей. Тобольский губернский прокурор С.Г. Коваленский связывал отсутствие лиц с юридической подготовкой на судебных постах с тем, что работа судей была «ничем ни оплачиваемой» [11. Л. 13]. Низким жалованием судей, «колоссальностью» их труда объяснял публицист Н. Арефьев отказ специалистов замещать сибирские судебные должности. Судьи, решившиеся приехать из Европейской России в Сибирь, стремились вернуться обратно [3. С. 54]. В результате некоторые члены судов были юридически безграмотны [8. Д. 875. Л. 37], отдельные не имели никакого образования [12. Д. 1000. Л. 5], а на судебные места назначались, по мнению чинов Министерства юстиции, «непригодные лица» [7. Оп. 542. Д. 241. Л. 7].

Известный адвокат, издатель популярного томского «Сибирского вестника» В.П. Картамышев писал, что досудебные расследования по-прежнему проводили безграмотные полицейские чиновники, судили всегда пьяные заседатели, а население оставалось в плену бесчисленных «ходатаев», большинство которых являлись ссыльными по уголовным делам [13]. Поведение сотрудников юстиции часто совершенно не соответствовало их званию: двое из трех заседателей Ишимского окружного суда не выходили из «запоев», являлись на службу пьяными, валялись на улицах, один заседатель прислуживал купцам во время ярмарок [8. Д. 875. Л. 33–34]. Председатель учреждения Ф.И. Григорьев заставлял подчиненных «совершенно голословно» составлять отчетные ведомости [14. Л. 55–56, 109]. Вскоре его обвинили в растрате и отстранили от должности. Против назначенного на вакантное место судьи, ставшего негодным старому составу суда, плелись интриги [8. Д. 875. Л. 33–34].

Важнейшая задача реформы 1885 г. состояла в повышении уголовной репрессии. Решить ее были призваны «усиленный» судебными следователями следственный аппарат и реорганизованная система прокурорского надзора в составе губернских прокуроров и товарищей прокурора. Однако, как обнаружилось после преобразования, эти органы юстиции не обладали необходимыми возможностями и действовали неэффективно.

Чиновники полиции и судебные следователи в установленном составе не справлялись с нагрузками. В Томской губернии в 1886 г. накопилось 6707 неоконченных следствий. Эту цифру томский губернатор характеризовал как «громадную» [7. Оп. 87. Д. 9921^е. Л. 5об.]. В Тобольской губернии в том же году было зафиксировано 6465 нерешенных дел [15. Л. 97]. В дальнейшем в Томской губернии положение исправилось. Около 4700 неоконченных расследований находилось в производстве в 1892 г. [8. Д. 875. Л. 25]. Но в Тобольской губернии волокита достигла огромных размеров: обер-прокурор Сената П.М. Бутовский, в то время проводивший ревизию западносибирской судебной системы, обнаружил не менее 18000 незавершенных следствий [16. С. 1].

Большинство расследований и после реформы 1885 г. производили чины полиции, обладавшие сомнительной квалификацией. На момент ревизии 1892 г. среди 54 чинов полиции Тобольской губернии ни один не имел юридического образования, немногие окончили курс гимназии, образование некоторых ограничивалось «домашним воспитанием», а их нравственный уровень, указывал Бутовский, был чрезвычайно низким. Из-за большой текучести кадров полицейские следователи не успевали ознакомиться с принятыми ими следственными делами. С 1889 г. по 1 августа 1892 г. в Тобольской губернии 54 должности чинов полиции занимали 170 лиц. Причем за этот период в четвертом участке Тюмени сменилось 7 чиновников, во втором участке Ялуторовска – 6, во многих участках – по 5 [8. Д. 875. Л. 8об.–9, 13–13об.].

Деятельности этих «жрецов правосудия в полицейских мундирах», как сибирские судебные деятели саркастически называли полицейских следователей [17. С. 26], сопутствовали пренебрежение своими обязанностями, нарушение процессуальных правил, самые разнообразные злоупотребления, незаконные действия, взяточничество. Они оказались неспособными резуль-

тативно бороться с преступностью, наоборот, часто позволяли злоумышленникам оставаться безнаказанными, скрывать следы преступлений, что не могло не сказаться на отношении к ним со стороны населения. В отчете за 1886 г. томский губернатор констатировал: «Благонамеренные люди не питают к полицейским чинам, производящим следствия, того необходимого доверия, каким пользуются всюду чины новых судебных учреждений, а злонамеренные видят в них людей, с помощью которых они всегда имеют возможность избежать кары за свои преступления путем обмана или подкупа» [18. Л. 12].

Тяжелое положение следственного аппарата связано с отсутствием должного надзора за его деятельностью со стороны прокурорских чинов, которые, в свою очередь, трудились в условиях, исключающих вероятность продуктивной работы. Вознаграждение за их службу было невысоким, но даже из скромного личного жалования они зачастую выделяли деньги, чтобы восполнить недостачу отпускаемых казенных средств на расходы собственной канцелярии [7. Оп. 87. Д. 9921^е. Л. 11]. Порой из-за дефицита финансирования товарищи прокурора не имели возможности выполнять свои прямые обязанности. К примеру, в 1888 г. у прокурорского чиновника Каинского округа отсутствовали средства на объезд полицейских участков для ознакомления с делопроизводством [12. Д. 1135. Л. 20–20об.].

Штат сотрудников прокуратуры явно не соответствовал объему взваленной на их плечи работы. Чиновники Министерства юстиции признавали его «ничтожным» [7. Оп. 87. Д. 9921^е. Л. 10об.]. Товарищи прокурора действовали с перегрузками, и большинству из них, по словам тобольского губернского прокурора К.Б. Газенвинкеля, требовалась «немедленная помощь» [7. Оп. 91. Д. 2855. Л. 3]. Бутовский в 1892 г. констатировал: «Прокуратура Тобольской губернии, заваленная непомерным трудом, превосходящим все, что я когда-либо видел за всю мою свыше тридцатилетнюю службу в судебном ведомстве, обречена на безмолвное созерцание...» [8. Д. 875. Л. 16].

Имущественная часть западносибирских судебных учреждений находилась в запустении. О ее бедственном состоянии красноречиво свидетельствовали внешний вид и интерьер главного судебного учреждения Тобольской губернии Тобольского губернского суда, здание которого когда-то использовалось в качестве генерал-губернаторской конюшни. Сотрудник этого суда Н.П. Геллертов описывал его так: «Узкое, одноэтажное, кажущееся особенно придавленным от громадного трехэтажного рядом стоящего дома губернских присутствий». Посетителей там встречали «захватанные, заплеванные двери», «грязный пол», «грязные с паутиной стены, убогая мебель, убогие канцелярские принадлежности, окурки и плевки на полу и атмосфера, насыщенная табаком и еще каким-то газом». Кабинет председателя представлял собой проходную комнату, «через которую неизбежно беспрерывно проходили сторожа, секретари, столоначальники и писцы». Чиновник констатировал: «Состояние помещения, которое я в силах был описать, дает неутешительную картину, оскорбляющую человеческое достоинство и достоинство понятия храма правосудия. Дальнейшее квартирование в этом помещении, правда бесплатное, по-моему, совершенно невозможно» [16. С. 138–140].

В целом, ресурсоемкость системы правосудия Западной Сибири была чрезвычайно низкой. До ревизии 1892 г. способы ее мобилизации ограничивались исключительно теми, которые не приводили бы «к испрошению кредитов из средств государственного казначейства» (так говорилось в одном из распоряжений Министерства юстиции) [15. Л. 7–8]. Дореформенный судебный строй вполне допускал поиск источников увеличения возможностей судебной организации в перекладывании обязанностей одних подразделений юстиции на другие, привлечении средств сопредельных ведомств, пренебрежении принципами справедливости и независимости суда. Полицейские чиновники и судебные следователи активно призывались к отправлению правосудия в качестве членов окружных судов, нередко в качестве товарищей прокурора действовали заседатели органов юстиции, на судебных процессах доклады по делам зачитывали секретари.

Однако действенность таких приемов оказалась незначительной. Дополнительные ресурсы, прежде всего людские, черпались из источников, также ограниченных в возможностях. Помощь полицейских чиновников судебной системе делала их основные занятия менее эффективными, что вызывало обеспокоенность сибирской администрации. Тобольский губернатор Н.М. Богданович выражал самое негативное отношение к такой практике. В своем всеподданнейшем отчете за 1894 г. он указывал, что участие полицейских чиновников в судебных делах действовало «в ущерб гораздо более серьезным задачам общественного благоустройства и благочиния» [19. Л. 61]. Губернатор считал ценой полицейского содействия в проведении досудебных следствий «лихорадочное напряжение сил всех деятелей по следственной части», сознательное «пренебрежение другими, часто административными, обязанностями чинов полиции» [7. Оп. 542. Д. 250. Л. 2–3об.].

Судейское руководство в поиске средств повышения судебного потенциала принимало крайне противоречивые решения. Двойственностью отличалась регламентация деятельности судебных следователей. Тобольский губернский суд 9 апреля 1886 г. распорядился впредь не приглашать их для пополнения присутствия окружных судов, так как «они всегда должны быть заняты исключительно производством следствий» [20. Л. 2–3]. 23 июня 1890 г. то же учреждение, запретив пополнять состав окружных судов чинами полиции, предписало включать в их коллегию судебных следователей [14. Л. 25–26]. Помощь прокуратуре ослабляла суды. В 1886 г. Маринский окружной суд остановил работу. Один из его заседателей по поручению губернского прокурора действовал в качестве товарища прокурора, другой заболел, и в результате, по словам председателя Томского губернского суда, стало «невозможно составлять по делам заседания» [12. Д. 1000. Л. 5].

В ходе ревизии 1892 г. вскрылись многочисленные пороки сибирской системы правосудия, которые требовали немедленного устранения. В наиболее бедственном состоянии находились судебные органы (прежде всего, следственный аппарат) Тобольской губернии, где в 1892–1894 гг. в два этапа значительно приумножалось число судебных следователей и товарищей прокурора [8. Ф. Д. 875. Л. 122; 10. Т. 13. № 10006]. Причем, увеличивая штат судебных следователей, чиновники Министерства юстиции, наконец, уделили внимание уровню квалификации этих должностных лиц. Так, почти все из

них теперь имели высшее образование, чем и выделялись среди местных судебных работников [21. Л. 7–8]. Вместе с тем они становились более доступными для населения и теперь проживали не только в городах, а расселялись и за их пределами [17. С. 25].

С формальной точки зрения деятельность следственной части, которой касались меры 1892–1894 гг., улучшилась. В 1894 г. общее количество неоконченных следствий было доведено до нормы [11. Л. 4]. Позитивность результатов от увеличения числа судебных чиновников отмечал Богданович. В октябре 1894 г. он писал: «Скорость производства следствий измеряется ныне уже не годами, как прежде, а месяцами и неделями, значение и сила уголовной репрессии значительно увеличилась» [7. Оп. 542. Д. 239. Л. 2об.].

Тем не менее данные меры штатного характера министр юстиции Н.В. Муравьев считал недостаточными, поскольку они не привели «к существенному улучшению дела» [7. Оп. 542. Д. 250. Л. 3; 22. С. 9]. По мнению Коваленского, их значение заключалось «лишь в смысле спасения» судебной организации «от окончательной гибели» [11. Л. 4]. При этом истощились мобилизационные возможности полиции, и Богданович был убежден, что успехи следственного аппарата вскоре «заменяются новым упадком» [7. Оп. 542. Д. 250. Л. 2–3об.]. Требовалось коренное преобразование сибирского суда.

В 1897 г. осуществлялась судебная реформа на основе «Временных правил о применении Судебных уставов к губерниям и областям Сибири» от 13 мая 1896 г. [10. Т. 16. № 12932]. Среди многочисленных особенностей сибирского суда выделялись отсутствие суда присяжных, советов присяжных поверенных и съездов мировых судей с возложением их обязанностей на окружные суды, наделение этих судей следовательскими полномочиями.

Некоторые отступления от положений уставов, ретроградные по смыслу и не принятые передовой общественностью той поры, диктовались стремлением правительственных чиновников сократить расходы казны и нежеланием нести затраты на благоустройство сибирского края. Мысль о том, что «один Невский проспект в пять раз ценнее всей Сибири» [23. С. 73], являлась составной частью имперского общественного сознания, и потому, как отмечал томский присяжный поверенный Р.Л. Вейсман, «Временные правила» установили в крае «правосудие на дешевых началах» [24. С. 46].

«Суд дешевый – синоним суда плохого», – сказал в одной из своих многочисленных речей Муравьев [25. С. 101]. Но во время судебной реформы в Сибири такие размышления его не озадачивали: низкая стоимость – одно из главных ее достоинств, говорил он в Государственном совете [26. С. 400]. По подсчету министра, «сибирский судебный округ» должен был обходиться государству в сумму меньше любого другого более чем на четверть [7. Оп. 542. Д. 250. Л. 10].

Преобразование подразумевало, что фискальный интерес приоритетен над какими-либо иными. Установление судебных учреждений в заведомо малом количестве и составе, совмещение в их руках разнообразных функций, максимальная бережливость при расходовании денег на обеспечение режима работы – способы, которыми достигалась экономия государственных средств, они же стали главными источниками дефектов реформированного правосу-

дия. Новый суд унаследовал от дореформенного пороки, не позволявшие ему реализовать в полной мере властный потенциал.

Судебные органы Западной Сибири в 1870–1890-е гг. испытывали кадровый «голод», недостаток сотрудников с надлежащими профессиональными и нравственными качествами, денежный дефицит, значительно ограничивающие их возможности по отправлению правосудия. Нехватка ресурсов у юстиции была вызвана недофинансированием, пренебрежением интересами сибирского населения, характерным для политики самодержавия того времени в отношении азиатского Зауралья.

Литература

1. Кони А.Ф. Новые меха и новое вино // Кони А.Ф. Собрание сочинений. Т. 4. М., 1967.
2. Сибирь. СПб.
3. Арефьев Н. В Сибири // Северный вестник. 1896. № 1.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1149. Оп. 10. Д. 4^а.
5. Восточное обозрение. СПб., 1882.
6. Сибирская газета. Томск. 1882. 28 нояб.
7. РГИА. Ф. 1405.
8. Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске (ГУТО ГАТ). Ф. 152. Оп. 37.
9. Кеннан Г. Сибирь! СПб., 1906.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е.
11. ГУТО ГАТ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 50².
12. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Ф-22. Оп. 1.
13. Сибирский вестник. Томск. 1885. 16 окт.; 1886. 1 мая.
14. Государственный архив Тюменской области (ГАТюМО). Ф. И-40. Оп. 2. Д. 386.
15. ГУТО ГАТ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 21.
16. Библиотека РГИА. Отчет о ревизии судебных установлений и прокурорского надзора Тобольской и Томской губерний, произведенной в 1892 г., по поручению господина министра юстиции, обер-прокурором первого департамента Правительствующего Сената тайным советником П.М. Бутовским.
17. Геллертов Н.П. Усиление следственной части в Тобольской губернии // Журнал гражданского и уголовного права. 1895. № 3.
18. Коллекция печатных записок РГИА. № 102. Отчет о состоянии Томской губернии за 1886 г.
19. ГУТО ГАТ. Ф. 479. Оп. 5. Д. 1.
20. ГАТюМО. Ф. И-65. Оп.1. Д. 435.
21. ГУТО ГАТ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 16.
22. Общий обзор деятельности Министерства юстиции и Правительствующего Сената за царствование императора Александра III. СПб., 1901.
23. Альтшуллер М.И. Земство в Сибири. Томск, 1916.
24. Вейсман Р. Яркие недостатки сибирского суда // Сибирские вопросы. 1908. № 3–4.
25. Муравьев Н.В. Пересмотр Судебных уставов // Последние речи. 1900–1902 гг. СПб., 1903.
26. Муравьев Н.В. Объяснения в Государственном совете 6 апреля 1896 г. // Муравьев Н.В. Из прошлой деятельности. Т. 2. СПб., 1900.